

ЗАЯВЛЕНИЕ

об отводе государственных обвинителей
- прокуроров Лахтина В.А. и Шохина Д.Э.
(в порядке гл.9 УПК РФ)

Заявление об отводе государственных обвинителей Лахтина В.А. и Шохина Д.Э., которое защита представляет суду, основывается, прежде всего, на фактах, подтверждающих их заинтересованность в исходе дела, выявленных в ходе предварительных слушаний и подготовительной части.

Но прежде, чем перейти к этому, защита не считает возможным оставить без хотя бы предварительной оценки то, что происходило в судебном заседании 20 и 21 апреля 2009г.

Главное, в чем мы имели возможность убедиться еще раз, - это последовательное и циничное попрание прав наших подзащитных со стороны государственных обвинителей Лахтина В.А. и Шохина Д.Э., прежде всего права на защиту. С озабоченностью констатируем, что к этой антиконституционной позиции присоединились и прокуроры Ковалихина и Ибрагимов.

Категорический отказ разъяснить предъявленное обвинение, с одной стороны, оставляет гособвинителям возможность для произвола в ходе судебного следствия: у них в «запасе» останется, например, три предмета хищения в эпизоде акций, четыре – в нефтяном эпизоде, что означает не основанную на законе возможность предъявлять так называемые доказательства в любой комбинации этих предметов якобы совершенных преступлений. С другой стороны, - право на защиту в условиях правовой неопределенности обвинения, конечно же, не может считаться обеспеченным надлежащим образом.

Принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) является общим для всех стадий уголовного судопроизводства и помимо УПК РФ закреплен в ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которую ссылались государственные обвинители, в частности прокурор Лахтин.

Состязательность – спор сторон по поводу предъявленного обвинения как в целом, так и по отдельным его элементам. При этом, что очень важно, спор на равных.

Еще древние говорили, что прежде чем начинать спор, необходимо договориться о терминологии. О каком споре (состязательности) может идти речь, если в ОЗ используются неизвестные закону или употребляемые в непредусмотренном законом смысле термины.

Отказав нашим подзащитным в разъяснении такого рода использованных обвинением терминов (фиктивное право собственности на нефтедобычу, оперативное управление, подставная компания, перевод объемов нефти с баланса на баланс и т.д.), государственные обвинители оставили себе возможность и далее использовать множество терминов в только им понятном (а может быть и им непонятном) смысле, что означает подрыв принципа состязательности, а, следовательно, и права на защиту.

В ходе предварительных слушаний 3 и 11 марта с.г. стороной защиты уже заявлялись отводы государственным обвинителям Лахтину В.А. и Шохину Д.Э. Оценивая их деятельность по итогам предварительных слушаний и подготовительной части судебного заседания в целом, защита считает, что действия этих субъектов уголовного преследования подтверждают как обоснованность ранее заявленных нами требований об исключении данных прокуроров из процесса, так и дают обильные дополнительные основания для нового отвода, поскольку **лица, в такой степени скомпрометировавшие себя, прежде всего неприкрытым неуважением к закону, не могут выполнять столь серьезные функции, которые возлагаются по статусу на государственного обвинителя.**

Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004г. № 13-П, ***прокурор, поддерживая обвинение от имени государства по уголовному делу, должен подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства ч.2 ст. 1, следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным кодексом. Он обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина (ст.11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (ст. 14), обеспечивать обвиняемому право на защиту (ст. 16), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора от выполнения этих обязанностей УПК РФ не содержит.***

Однако, вопреки обязанностям, возложенных на них законом, Лахтин В.А. и Шохин Д.Э. своими противоправными действиями уже длительное время наносят урон российскому правосудию и умаляют авторитет Российской Федерации в глазах мировой общественности.

Доказательства сказанному общеизвестны:

- порочное поведение государственного обвинителя Шохина Д.Э. на первом процессе по делу Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. стало одной из причин вынесения 25 января 2005 года крайне резкой резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы по так называемому “делу

ЮКОСа», в котором указано на **дискриминационное обращение** со стороны российских правоохранительных органов с обвиняемыми;

- тот же Шохин Д.Э. ранее принимал самое непосредственное участие в создании условий для содержания П.Л.Лебедева под стражей без судебного решения, что было признано **грубым нарушением закона и прав человека** сначала Конституционным Судом РФ (постановление от 22 марта 2005 года №4-П), а затем и Европейским Судом по правам человека (решение “Лебедев против Российской Федерации” от 25 октября 2007 года жалоба № 4493/04, признаны нарушения прав Лебедева П.Л., гарантированные параграфом 1 ст. 5, параграфом 3 ст.5 и параграфом 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод);

- еще дальше в деле глумления над правами человека пошел так называемый “надзирающий прокурор” Лахтин В.А., чьи усилия по требованию от судов длительного содержания под стражей смертельно больного бывшего начальника правового управления ОАО “НК ЮКОС” Алексаняна В.Г. увенчались констатацией Европейским Судом по правам человека факта того, что российские власти, олицетворением которых является и участвующий в нашем деле прокурор Лахтин В.А., нарушили статью 3 Европейской Конвенции, запрещающую **“пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание”** (постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2008г по делу «Алексанян против Российской Федерации» жалоба № 46468/06 признаны нарушения прав Алексаняна В.Г., гарантированные кроме ст.3 параграфом 3 ст. 5 и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Систематически допускаемые нарушения и злоупотребления со стороны Лахтина В.А. и Шохина Д.Э. явились причиной того, что как защита, так и наши подзащитные регулярно обжаловали их действия, и делали соответствующие заявления.

К примеру, еще в Мещанском суде гор. Москвы, то есть на первом процессе, Лебедев П.Л. 8 апреля 2005 года сделал заявление, в котором, в частности, было сказано следующее:

*“Я сознательно отказываюсь от участия в прениях с представителями государственного обвинения, потому что не допускаю для себя возможности **опуститься** до уровня «равенства» (в кавычках) с господином Шохиним. Господин прокурор (представляющий в суде и якобы отстаивающий интересы государства) даже своим внешним видом постоянно оскорбляет не только судебную власть, но и собственное ведомство, демонстрируя развалившуюся в мягком кресле позу, высокомерно-снисходительную ухмылку. При этом изрекаемые им пафосные, но абсолютно безграмотные заявления и примитивные суждения, всякий раз подтверждают его полное невежество, некомпетентность и незнание русского языка.*

По ходу всего судебного процесса господин Шохин, по-видимому, имея гарантии на вседозволенность и безнаказанность, не упускал случая продемонстрировать личную преданность своим работодателям, а не свое служение Закону. Любой человек, (будь то женщина или уважаемый в своем деле специалист), который, по мнению Шохина, мог своей принципиальной позицией или исполнением гражданского и профессионального долга... представлять опасность для его руководителей-начальников, незамедлительно становился объектом его нападок, инсинуаций, прямых оскорблений и казарменных шуток. Шохин отличается профессиональной нечистоплотностью. Именно поэтому ему были заявлены два отвода в Мещанском суде и один в Московском городском суде за беспардонное игнорирование норм Российского законодательства и ложь”.

В отношении как Лахтина В.А., так и Д.Э.Шохина, стороной защиты направлялись в Генеральную прокуратуру РФ заявления о преступлениях, в которых ставился вопрос о необходимости привлечения их к уголовной ответственности. Соответственно, получается, что в целом ряде случаев Лебедев П.Л., борющийся длительное время за восстановление своих поправанных прав и интересов, выступал **заявителем**, а господа прокуроры, выражаясь языком науки криминалистики – **“заподозренными”** в уголовно наказуемых деяниях.

Как может непредвзято поддерживать обвинение господин Лахтин, если однажды в своем выступлении в суде он после подачи в отношении него Лебедевым заявления о преступлении, сказал: **“Лебедев угрожал лично мне”??!**

В свою очередь, М.Б. Ходорковский в судебных заседаниях 11 и 12 марта 2009 также прямо заявил, что его (и его защиты) отношение к государственным обвинителям Шохину и Лахтину ничем не отличается от их отношения к нему, в том числе в части оценки их (обвинителей) деяний как преступных. Он также подчеркнул, что оба эти обвинителя вопреки Конституции РФ открыто занимаются разрушением единства судебной практики и преследуют цели, несовместимые с законом.

Как же при указанных обстоятельствах Лахтин В.А. и Шохин В.А. могут выступать в настоящем процессе государственными обвинителями, от которых требуется **объективность и беспристрастность?**

О какой незаинтересованности в исходе дела можно говорить, если совсем недавно – 27 января 2009 года – Ингодинский районный суд г.Читы, реагируя на жалобы защиты, своим вступившим в силу постановлением поставил Лахтину В.А. неудовлетворительную оценку за осуществление, а точнее – за неосуществление надзора за следствием, **имевшее результатом нарушение прав Лебедева П.Л.?** В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Читинского областного суда от 23 марта 2009г.

прямо указывается: «... **признать нарушением старшим прокурором ... Лахтиным В.А. предусмотренного ч.1 ст. 124 УПК РФ трехсуточного срока жалобы на действия следователя**».

Таким образом, нетрудно сделать вывод, что ни прокурор Шохин Д.Э., ни прокурор Лахтин В.Э. не могут в силу закона (ст.ст.61, 66 УПК РФ) участвовать в настоящем судебном разбирательстве, поскольку они **предвзято относятся** к нашим подзащитным Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л. Этот вывод подтверждается и их поведением в ходе всего судебного процесса.

1. Заявление прокурорами ходатайства *«об оставлении без изменения меры пресечения в виде содержания Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. под стражей»* являлось антиконституционным как по сути, так и по форме.

Во-первых, формула *«оставить без изменения»* является рудиментом, преодоленным законодателем, который признал утратившими силу нормы гл. 57 УПК РФ. Указанный термин использовался в теперь недействующих бланках процессуальных документов (приложения №№ 15-17 и 23 к ст. 477 УПК РФ). **В ныне действующей редакции уголовно-процессуального закона указанное понятие отсутствует, а значит и не подлежит применению в уголовном судопроизводстве.**

Во-вторых, эта теперь незаконная формулировка, которая ранее позволяла не отвечать на вопрос «с какой даты и до какой даты», **в условиях действующего УПК РФ безусловно требует точного указания сроков продления меры пресечения в виде содержания под стражей.** Игнорирование этого принципиального требования привело на сегодня к тому, что Ходорковский М.Б. и Лебедев П.Л. находятся под стражей незаконно.

К тому же, прокуроры проигнорировали вытекающие из нормативных положений уголовно-процессуального законодательства требования о письменной форме заявления ходатайства о содержании обвиняемых под стражей, следующее также из разъяснений Конституционного Суда РФ в (постановление №4-П от 22 марта 2005 года) о **единых для всего уголовного судопроизводства нормативных основаниях применения и продления в качестве меры пресечения заключения под стражу** - статьях 97, 99, 108 и 109 УПК РФ, предписывающих выносить **постановления** о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства, которое по определению не может быть устным (п. 25 ч.1 ст.5 УПК РФ). То, что данное ходатайство государственных обвинителей было удовлетворено судом, не делает само ходатайство законным, тем более, что указанное решение суда обжаловано в установленном законом порядке.

Ранее, в Мещанском районном суде г. Москвы прокурор Шохин утверждал, что законным является содержание под стражей без вынесения судебного решения, ссылаясь при этом на ст. 255 УПК РФ и вводя суд в заблуждение, что она применима к предварительным слушаниям.

В результате вышеупомянутым Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 года, вынесенным, в том числе, по жалобе Лебедева П.Л., такая правоприменительная практика – содержание под стражей без судебного решения только на том основании, что уголовное дело поступило в суд – была признана незаконной.

Постановлением Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2007 года по жалобе Лебедева П.Л., которое вступило в силу 2 июня 2008 года, было признано, что имело место нарушение права Лебедева П.Л., гарантированного п. «с» параграфа 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод именно в связи с тем, что он содержался под стражей без судебного решения. На основании этого решения Лебедеву П.Л. была выплачена справедливая компенсация в размере 10 000 евро.

2. В п.28 Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы от 06.10.2000г. *«Комитет Министров - государствам членам о роли прокуратуры в системе уголовного судопроизводства»* указано, что **в случае малейшего сомнения прокуроры должны просить суд проверить допустимость доказательств** (см. “Журнал Российского права”, 2001, № 8).

Государственные обвинители в ходе обсуждения ходатайств защиты об исключении недопустимых доказательств, в т.ч. в силу отсутствия установленных законом обязательных судебных решений, санкционирующих обыски и выемки в банках, аудиторских и адвокатских образованиях, действовали прямо противоположным образом.

Возникает вопрос: либо Российская Федерация вышла из Совета Европы (что очевидно не так), либо прокуроры выступают здесь не от имени члена Совета Европы – Российской Федерации.

При обсуждении указанных ходатайств солидарная позиция государственных обвинителей заключалась в том, что, якобы, некий приговор, вступивший в законную силу, *«легализует»* все следственные действия, проведенные, в частности, в банках без судебных решений.

В явно выраженной **запрограммированности на недопущение удовлетворения ходатайств защиты любой ценой** они, с одной стороны, идут на изощенную демагогию, «подставляя» суды, решения которых, при всем нашем к ним уважении, не являются источником права и не могут рассматриваться как нормотворчество, то есть не могут подменять компетенцию законодателя. С другой, - подобные доводы призваны скрыть неспособность государственных обвинителей оправдать свою противоправную позицию ссылками на конкретные нормы законодательства, которых в данном случае просто не существует.

Казалось бы, что норма п.7 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, не допускающая выемки документов в банках без судебного решения, особый статус адвоката (п.8 ч. 1 ст. 447), который предопределяет необходимость судебного решения при производстве следственных и иных процессуальных действий, в т.ч. обысков в отношении адвокатов (ч. 5 ст. 450), и другие подобные установления УПК РФ должны неукоснительно соблюдаться

гособвинителями (ч. 2 ст. 1). Однако, только не в деле Ходорковского – Лебедева и других ЮКОСовцев.

3. Не менее антиконституционной была солидарная реакция гособвинителей, неоднократно озвученная прокурором Шохиним Д.Э. с молчаливого согласия прокурора Лахтина В.А., о якобы несоответствии ходатайств Ходорковского М.Б., Лебедева П.Л. и их защиты об истребовании доказательств части 3 ст. 123 Конституции РФ, т.к. это, якобы, возлагает на суд недопустимое обязательство выступать на стороне защиты.

Во-первых, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ вовсе не об этом.

Во-вторых, ходатайства сторон об истребовании дополнительных доказательств прямо предусмотрены ч. 7 ст. 234 УПК РФ, который (УПК РФ) основан на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1).

В-третьих, как уже отмечено, суд (равно как и обвинители) обязаны в силу ст.ст. 14,15 и 16 УПК РФ, обеспечить реализацию права на защиту.

Таким образом, **гособвинители солидарно проявили некомпетентность, а точнее - очередное сознательное искажение Конституции РФ и основанного на ней уголовно-процессуального закона.**

Здесь трудно удержаться, чтобы не привести высказывание, дающее оценку подобного рода действиям прокуроров, прозвучавшую в следящих за процессом средствах массовой информации. Цитата: *“Если бы в какой-то другой (условной) стране выяснилось бы, что два прокурора – государственных обвинителя! – не знают Конституции и УПК этой страны, это означало довольно скорую победу в деле. Во-первых, публичный позор этих господ в синем, и во-вторых, немедленный проигрыш обвинительной стороны. Потому что - какая может быть победа? Люди просто, выступая на суде, заявляют вещи, прямо противоречащие Конституции страны! И они даже об этом не знают”.* (“Эхо Москвы”, 19 марта 2009 года).

4. **«Ни на йоту не отступать от предъявленного обвинения»**, - таков девиз псевдозащитников истины, для которых совершенно не важно, что обвинительное заключение содержит, теперь уже и по их вине, неустранимые пороки. Но как можно согласиться с ходатайствами защиты о возвращении дела с обвинительным заключением прокурору для устранения многочисленных и существенных препятствий его рассмотрения судом?! Не для того сюда отряжены «стойкие борцы» не за справедливость, а за «неприступность» освященных подписью руководства казусов, таких, например, как обвинения, выходящие за рамки предъявленного, не говоря уже об их полной абсурдности; этим государственным обвинителям не указ и императивное положение о том, что при истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности государство по своей воле отказывается от дальнейшего уголовного преследования, что и закреплено в нормах закона (п.3 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 27 УПК РФ, ст. 78 УК РФ). У

государственных обвинителей и в этом вопросе отличная от государства точка зрения. Короче, девятая буква греческого алфавита – йота, стала альфой и омегой позиции прокуроров Лахтина В.А. и Шохина Д.Э.

Им совершенно неважно, что закон предусматривает **обязанность** гособвинителей сомневаться в обоснованности обвинения, во всяком случае до исследования всех доказательств по делу, обеспечивать его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Более того, закон прямо предполагает даже отказ от обвинения или его изменение в сторону смягчения (ч.ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ), что, вероятно в силу очевидной ангажированности, нашим гособвинителям даже в страшном сне присниться не может!.

Однако хочется напомнить господам Лахтину и Шохину, что в своё время великий русский юрист Анатолий Федорович Кони, подчеркивая такие значимые черты обвинителя, как спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, **“опрятность приемов обвинения, чуждая к возбуждению страстей и искажению данных дела”**, полное отсутствие **лицедейства**, в то же время указывал, что в силу этических требований, вытекающих из судебных уставов, **“прокурор приглашается сказать своё слово и в опровержение обстоятельств, казавшихся сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он вовсе не стеснен целями обвинения”** (Кони А.Ф. “Нравственные начала в уголовном процессе”).

Следовательно, изначальная обвинительная «заряженность» свидетельствует о необъективности и прямой заинтересованности прокуроров в исходе дела.

Пытаясь опровергнуть подобные аргументы защиты при заявлении предыдущих отводов, прокурор Лахтин В.А. указывал на отсутствие аудио и видео подтверждений своей небезупречности, т.е. по сути результатов оперативно-розыскной деятельности, которой адвокаты заниматься не имеют права. К тому же этот довод прокурора свидетельствует о том, что свою небезупречность он не отрицает, а лишь указывает на отсутствие её доказательств определённого вида.

Это ли не свидетельство, что для него, как и для Шохина Д.Э., правосудие – девятое дело. Главное - чтоб *«ни на йоту....»*.

5. Обязанность государственных обвинителей обеспечить обвиняемым право на защиту (ст. 16 УПК РФ), как это следует из приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда РФ, в исполнении прокуроров Лахтина В.А. и Шохина Д.Э., помимо уже приведенных фактов, выразилась в их «категорическом» возражении против удовлетворения любых ходатайств защиты - о приобщении доказательств невиновности, об истребовании новых доказательств, о прекращении эпизода за давностью, о разъяснении и устранении противоречий обвинительного заключения в части существа предъявленных обвинений. Исключение, имевшее место в судебном заседании 2 апреля с.г., лишь подтверждает это противоправное правило.

Прокурор Шохин Д.Э. в судебном заседании 12 марта с.г. с присущей ему голословной безапелляционностью, например, сообщил, что УПК РФ не обязывает гособвинителей *«разъяснять кому-либо что-либо»*, а также повторил уже упоминавшийся не основанный на законе тезис о том, что гособвинитель якобы не вправе изменить, дополнить или сократить обвинительное заключение.

А как же быть с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в адрес которого прокуроры только что не провозглашают «УПК – акбар»¹? Напомним, что ч. 1 ст. 11 гласит, что *«прокурор ... обязан разъяснять ... обвиняемому»* как и другим участникам уголовного судопроизводства *«их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав»*, что в единстве с нормой ч. 3 ст. 37 УПК РФ опровергает позицию Лахтина В.А. и Шохина Д.Э., для которых, получается, УПК не так уж и “акбар”.

Именно поэтому М.Б. Ходорковский, которого поддержал и П.Л. Лебедев, в судебном заседании 11 марта с.г. заявил: *«Мы будем каждый раз реагировать на заведомо ложные сведения, сообщаемые гособвинителями, путем заявления им отвода»*.

За время предварительных слушаний и подготовительной части судебного заседания подобных ложных сведений как по фактическим обстоятельствам, так и по применению норм Конституции РФ и федеральных законов обвинители сообщили суду великое множество. В их числе:

- Ложное заверение прокурором Шохиним Д.Э. суда, что на первом процессе защита вообще не ставила вопрос о территориальной подсудности. Оно опровергнуто защитой путем предъявления соответствующего процессуального документа.
- Ложные утверждения государственных обвинителей о том, что законность несанкционированных судом обысков в адвокатских образованиях подтвердил Басманный суд гор. Москвы. Однако из приобщенных к делу судебных постановлений от 20 июля и 21 сентября 2007 года следует лишь то, что указанный суд счел жалобы защиты не подпадающими под действие ст.125 УПК РФ, а вовсе не одобрил незаконные действия следствия.
- Заведомо ложные заявления прокурора Лахтина В.А. о том, что обжалуемые защитой выемки в аудиторской организации “Прайсвотерхаус Куперс” производились в строгом соответствии с законом, поскольку были разрешены постановлением Басманного суда г. Москвы, которое находится в томе 115 л.д.1-2. Указанная попытка введения суда и иных участников процесса в заблуждение опровергается тем, что данное решение суда было вынесено 26 декабря 2006 года, тогда как отдельными ходатайствами адвокатов

¹ Поскольку знания представителей стороны обвинения в области иностранных языков было и будет отдельным предметом внимания участников процесса, защита в данный момент лишь поясняет, что “акбар” переводится с арабского языка как “великий, всемогущий”.

оспаривалась правомерность постановлений о выемках, датированных 3 марта и 7 июня 2005 года (т.31, л.д.181-182; т.131, л.д.186)!

- Заведомо ложное, противоречащее ст. 105 ГК РФ, принципам корпоративного права заявление прокурора Лахтина В.А. о том, что **«материнская компания не может руководить дочерней ...»**.

Таковыми примерами, как из практики первого процесса, так и нынешнего дела, защита располагает **в достаточном количестве**, и они будут представлены вниманию суда. Как и примеры **явной двуличности**, которую регулярно демонстрируют прокуроры в ходе реализации **очевидного обвинительного уклона**.

Так, на предварительных слушаниях прокурор Лахтин В.А., рассказывая участникам настоящего процесса банальную истину о необходимости уважительно относиться к вступившим в законную силу судебным решениям, продемонстрировал тем самым “провал” в собственной памяти, поскольку по тому же делу, когда Басманный, а вслед за ним и Московский городской суды вынесли по вопросу о территориальной подследственности судебный акт **в пользу защиты**, никто иной как Лахтин неоднократно, в самых разных судебных заседаниях горячо поддерживал позицию следствия, **открыто не исполнявшего указанное судебное решение**, имеющего силу закона, поскольку, по его мнению, *“выполнение постановления суда дезавуировало бы тем самым процедуру его обжалования”!!* При этом сей “страж закона” и любитель “рецензировать” судебные акты, договорился до того, что общеобязательные для всех граждан и юридических лиц России решения Конституционного Суда РФ неоднократно в судебных заседаниях (!!) называл “сомнительными”, чем демонстрировал открытое и пренебрежительное неуважение к судебной системе российского государства.

Столь же “последователен” Лахтин В.А. и в оценке правового значения постановлений Пленумов Верховного Суда РФ: 31 марта он уничижительно отзывается о них, как имеющих необязательное значение, а 2 апреля – подробно излагает одно из постановлений, как якобы весомое подтверждение позиции обвинения. Правда и здесь он остался верен себе, заведомо ложно заявив, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007г. имеется некое упоминание о рыночных ценах.

Однако ни противозаконное игнорирование конституционного полномочия Верховного Суда РФ (ст. 126 Конституции РФ), ни начетническое цитирование его решений (т.е. главное - тиснуть цитатку, а по делу она или нет – не важно) не в состоянии изменить того очевидного факта, что попытка гособвинителей защитить абсурдное обвинение приводит лишь к дополнительному абсурду. (*Абсурд – то, что полностью лишено здравого смысла, противоречит ему, логике вещей* – см. Словарь иностранных слов. М., 1998, с. 16).

Весьма часто, пытаясь торпедировать подготовленные адвокатами ходатайства об истребовании дополнительных доказательств невиновности обвиняемых и исключении из дела недопустимых доказательств, прокуроры

мотивируют это необоснованными ссылками на якобы имеющееся у защиты злостное намерение затягивать судебный процесс. В то же время оба прокурора солидарно категорично воспротивились прекращению одного из эпизодов уголовного дела в связи с истечением срока давности, хотя такое решение сократило бы сроки разбирательства почти наполовину.

При этом мимо внимания представителей федерального надзорного ведомства прошли те факты, что предписываемое законом решение в части прекращения дела должны были реализовать:

- органы предварительного следствия при наступлении срока истечения срока давности;
- они же - при завершении предварительного следствия, учитывая соответствующее заявление защиты;
- на предварительном слушании - по инициативе стороны обвинения.

В стадии подготовки к судебному заседанию указанная противоправная деятельность государственных обвинителей продолжилась и получила свое развитие.

Окончательно выявилась антиконституционная позиция прокуроров Лахтина В.А. и Шохина Д.Э. в вопросе о так называемой «*достаточности доказательств виновности*» наших подзащитных, что, как неоднократно заявляли гособвинители, якобы исключает саму возможность приобщения к материалам дела доказательств защиты и вызов в суд для допроса свидетелей защиты. Дабы завуалировать заведомую незаконность этой позиции, прокуроры как фиговым листком прикрывались тезисом о якобы «преждевременности» подобных ходатайств.

Однако, во-первых, закон устанавливает, что ходатайства о приобщении и истребовании доказательств защиты являются своевременными на любой стадии процесса. Это прямо вытекает из рассматриваемых в правовом единстве норм ст.ст. 2, 15, 17, 19, 24 (ч.2), 45, 46, 48, 49, 55 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1, ст. 6, ч.3 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ст. 15, ч.1 и 2 ст. 16, ч. 2 ст. 17, ст.ст. 73, 74, 85-88, 120-122, 219, 220, 271 УПК РФ.

Во-вторых, и это главное, подобный, противоречащий закону и судебной практике подход существенно ущемляет право Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. на защиту, которое, используя часто повторяемое прокурором Шохиним Д.Э. выражение, имеет «незыблемый» характер.

Государственные обвинители, как говорится, во все тяжкие **используют практику двойных стандартов**, что в переводе с политологического на правовой язык означает применение дискриминационных методов, прямо запрещенных Конституцией РФ (ст. 19 ч.2) и, как указывалось выше, осужденных в резолюции ПАСЕ от 25 января 2005г. Прокуроры утверждают, что они сами, их коллеги, а также следователи не могут быть допрошены в суде. Однако, даже в Мещанском суде в прошлом процессе благополучно и весьма продуктивно для интересов защиты был допрошен один из членов следственной группы. Видимо памятуя о том позорище, прокуроры столь рьяно протестуют против аналогичных требований защиты в данном процессе.

Еще раз (уверены - не последний) продемонстрировали верность двойным стандартам гособвинители в судебном заседании 21 апреля с.г. Они как всегда категорически, хотя и не к месту, возражали против приобщения к материалам дела приложения к ходатайству защиты, т.к. оно не было исследовано надлежащим образом. А пару часов спустя столь же категорично возражали против ходатайства защиты об установлении именно такого порядка исследования доказательств.

Не менее одиозно выглядит и позиция прокуроров о якобы невозможности допроса в настоящем судебном процессе лиц, отбывающих в настоящее время наказание в местах лишения свободы.

Значит, в процессы против Пичугина и Невзлина в интересах стороны обвинения таких лиц вызвать можно, а делать тоже в интересах защиты в данном процессе - не могли?

Мы отдаем должное позиции уважаемого суда, который такой дискриминационный подход не поддержал.

Весьма показательной является позиция государственных обвинителей в процессе о направлении запросов в иностранные государства об оказании правовой помощи. Чего только не пришлось выслушать суду и участникам процесса по этому поводу: и что де мол в ходатайствах не указано, куда же подлежит обращаться суду (как будто этот вопрос возникает впервые в российской практике, а соответствующие международные соглашения не дают на него однозначного ответа); и что УПК якобы не предусматривает такого рода действий (как будто ст. 453 УПК РФ не существует); и что допрос ряда свидетелей вообще недопустим, т.к. в отношении этих лиц возбуждены уголовные дела и вообще необходимо, что бы они явились в суд лично.

Подобное заявление Лахтина В.А., сделанное применительно к Б. Мизамору, иначе, как провокацией, назвать трудно.

Один такой, поверивший «Лахтину со товарищи», нашелся и вот как о последствиях этого «подвига» пишет пресса. («Русский Newsweek» за 30/3-5/4.2009). Цитата: *«Летом 2005 года Гарсиа (имеется в виду Вальдес Гарсиа) согласился сотрудничать со следствием, приехал в Россию и попал под программу защиты свидетелей. Его отправили на подмосковную базу ОМОНа. Испанца так усилено охраняли и, видимо, так настойчиво убеждали дать необходимые следствию показания, что через год он выбросился из окна. Его привезли в Москву с черепно-мозговой травмой, сотрясением мозга, многочисленными переломами ног и без зубов»* (конец цитаты).

Если не убеждает ссылка на прессу, то вот документ, автором которого является сам Вальдес-Гарсиа Антонио.

Генеральному Прокурору Российской Федерации
Чайке Ю.Я.

125993, ГСП-3, Россия, Москва

Ул. Б. Дмитровка, 15а

От Вальдеса-Гарсия Антонио, 1971 года рождения.

Адрес для корреспонденции:
С/. Goya, 127-1, 28009 Madrid

Заявление о преступлении

(в порядке статьи 141 УПК РФ)

Я, Вальдес-Гарсия Антонио, являлся обвиняемым по уголовному делу №18325531-04, которое расследовалось Генеральной прокуратурой и рассматривалось Басманным районным судом г. Москвы.

Я был вынужден покинуть Россию 02 января 2007г., до окончания судебного разбирательства, так как опасался за свою жизнь и здоровье и понимал, что не могу рассчитывать на вынесение судом справедливого решения по моему делу. В настоящем заявлении я сообщаю о преступных действиях представителей власти, жертвой которых я стал в период моего нахождения в России с 08 июня 2005г.

Я работал в банке «Менатеп» с 1992г. и по 1995г. и в компаниях, имеющих тесные деловые связи с нефтяной компанией «ЮКОС», с 2000г. и по 2003г.

18 ноября 2003г. я уехал из России, так как против «ЮКОСа» началась масштабная кампания – были арестованы Лебедев П.Л. и Ходорковский М.Б., в офисах происходили обыски и выемки, сотрудники «ЮКОСа» и сотрудничающих с «ЮКОСом» компаний вызывались на допросы, людей запугивали, работать стало невозможно.

В период моего нахождения в Испании я неоднократно общался по телефону с представителями российских властей – в частности, с Козловским Виктором Анатольевичем из Оперативно-розыскного бюро Министерства внутренних дел РФ. Мне было сообщено, что в России мне предъявлено уголовное обвинение, однако если я добровольно вернусь в Россию и отвечу

(Вальдес-Гарсия Антонио)

на вопросы следователей, то мой статус будет изменен на статус свидетеля. Козловский В.А. неоднократно заверял меня, что в случае возвращения в Россию я не буду арестован, что следственные органы знают, что я невиновен.

Я хотел восстановить свое доброе имя и репутацию, так как никаких преступных действий я не совершал и ни в чем не считал себя виноватым, рассчитывал, что могу добиться справедливости, и поэтому, после длительных переговоров, согласился вернуться в Россию.

Я вернулся в Россию из Испании 08 июня 2005г. Непосредственно у самолета меня встретили представители российских властей, в том числе Козловский В.А. и Юрченко Василий Николаевич (как я узнал позже, у него было звание генерала), и доставили в Генеральную прокуратуру РФ.

В здании прокуратуры я написал заявление, которое содержится в материалах уголовного дела (т.4, л.д.57). В этом заявлении я подтвердил, что не считаю себя виновным, и добровольно приехал в Россию с целью восстановить свое доброе имя.

Потом меня привели в кабинет к следователю Альшеву В.Н., потом – к следователю Хатыпову Р.А. и затем – к следователю Стрыгину В.А.

В ходе беседы на меня следователями Альшевым, Хатыповым и Стрыгиным оказывалось психологическое давление с целью вынудить меня признать свою вину в хищении денежных средств.

Следователь Стрыгин показал мне постановление от 03 февраля 2005г. об избрании в отношении меня меры пресечения в виде заключения под стражу, которое было вынесено судом. Мне было сказано, что если я не признаю свою вину хотя бы частично, то на основании уже принятого судебного решения меня отправят в тюрьму.

Мне объяснили, что я должен буду признать свою вину в том, что подписывал в период работы компаний, связанных с НК «ЮКОС», документы, не понимая их сути и не вникая в их содержание.

Мне также сказали, для того чтобы остаться на свободе, я обязан написать заявление о применении ко мне мер государственной защиты.

Я был шокирован тем, что меня обманули, обещая во всем разобраться, но в действительности, как оказалось, следствию нужно было от меня только «признание вины». Я согласился под психологическим давлением и угрозой лишения свободы признать частично вину и написать требуемое заявление о применении мер государственной защиты. Как потом оказалось, «государственная защита» означала, что я круглосуточно находился под

(Вальдес-Гарсия Антонио)

контролем вооруженных охранников и был почти полностью лишен свободы передвижения.)

Затем ко мне был допущен адвокат, которому я ничего не сообщил о фактах угроз и давления, так как понимал, что сделать он ничего не сможет, зато меня могут в любой момент отправить в тюрьму. Из-за страха оказаться в тюрьме, ни в первом, ни в последующих допросах я также не делал никаких заявлений о фактах принуждения меня к даче ложных показаний.

В период с 08 июня 2005г. и по 05 августа 2005г. на меня систематически оказывалось психологическое давление и прямые угрозы со стороны Козловского В.А., Юрченко В.Н. и следователя Стрыгина.

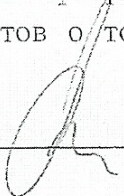
Эти лица требовали, чтобы я оговорил руководителей компании «ЮКОС», в частности, Лебедева П.Л., Ходорковского М.Б., Невзлина Л.Б. и Брудно М.Б. в том, что мне якобы было известно, что руководители «ЮКОСа» разрабатывали преступные схемы хищения денежных средств нефтедобывающих компаний, и что юридические лица, руководителем которых я являлся в период 2000-2003 годов, являлись частью таких схем.

Принуждение к даче ложных показаний оказывалось на меня как в здании Генеральной прокуратуры РФ, так и на охраняемой территории в Истринском районе Московской области, недалеко от поселка Новопетровское, где я содержался «под государственной защитой» в условиях почти полной изоляции. Козловский В.А. и Юрченко В.Н., каждый по отдельности, периодически приезжали в место моего содержания в Истринском районе, и оказывали на меня прямое психологическое давление.

Так, в частности, Козловский В.А. в ответ на мои отказы дать ложные показания против руководителей «ЮКОСа» выражался в мой адрес нецензурной бранью и обещал «сгноить» меня в тюрьме. Юрченко В.Н., в свою очередь, обещал освободить меня от уголовной ответственности, если я дам нужные следствию показания, угрожал, в противном случае, длительным сроком тюремного заключения.

У меня не осталось никаких иллюзий относительно намерений следствия. Было ясно, что следственные органы просто хотят меня использовать против руководителей компании «ЮКОС».

05 августа 2005г. я сообщил следователю Стрыгину, что если давление на меня не прекратится, то через своего адвоката я сделаю заявление для журналистов о том, что меня фактически лишили свободы, содержат в

(Вальдес-Гарсия Антонио)

изоляции, заставили оговорить себя, постоянно угрожают и оказывают давление с целью оговорить руководителей «ЮКОСа».

Через некоторое время после этого разговора со следователем Стрыгиным, на следующий день или через день, на охраняемой территории в Истринском районе Московской области, недалеко от поселка Новопетровское, где я содержался «под государственной защитой», то есть под постоянным надзором вооруженных сотрудников правоохранительных органов, приехал Козловский В.А. и стал в очередной раз склонять меня дать показания на Ходорковского и других управленцев НК «ЮКОС». Козловский был сильно раздражен, он говорил мне, что такие показания дать необходимо, что моя судьба во многом зависит от этих показаний, если я буду упрямиться, то уже никто не сможет мне помочь, Козловский говорил очень громко, почти кричал, видя, что ничего не может от меня добиться, стал угрожать физической расправой. Глядя на Козловского, видя его агрессивное поведение, мне стало действительно страшно, но при этом я ничего не мог сказать про тех людей, в отношении которых от меня требовали дать показания, я старался отвечать односложно и не смотреть на Козловского, чтобы не вызвать еще большую агрессию с его стороны. Козловский постоянно ходил по комнате, то приближаясь ко мне, то отдаляясь, при этом резко жестикулируя руками, он говорил, что все равно я подпишу нужные ему показания, потому что и не таких, как я обламывали. Я не выдержал и сказал ему, что при первой возможности расскажу обо всем через своего адвоката журналистам. Тут Козловский буквально взбесился, и закричал, что я неблагодарная скотина, непонимающая хорошего отношения, неожиданно я получил сильный удар в лицо, было ощущение яркой вспышки перед глазами, после чего моё восприятие действительности стало расплывчатым, я потерял сознание, что происходило со мной дальше я не знаю.

Вследствие тяжелейших травм головного мозга мне очень сложно восстанавливать обстоятельства избияния и пыток.

В сознание я пришел только в палате Истринской городской больницы, под охраной вооруженных людей из «государственной защиты».

Вскоре ко мне в палату пришел Козловский В.А. и сказал, что жалеет, что я не умер.

Как позже я узнал из своей истории болезни, мне были нанесены следующие телесные повреждения: закрытая черепно-мозговая травма,

(Вальдес-Гарсия Антонио)

сотрясение головного мозга, закрытый перелом правой бедренной кости с отрывом большого вертела, открытый двусторонний перелом нижней челюсти: центральный и суставного отростка слева со смещением, перелом альвеолярного отростка верхней челюсти слева, закрытый оскольчатый внутрисуставный перелом основания ногтевой фаланги 1 пальца левой стопы, множественные ушибленные раны лица, правого коленного сустава, левой стопы. Также у меня было выбито несколько зубов, а другие были сломаны.

Г 19 августа 2005г. я безуспешно попытался письменно отказаться от «государственной защиты» и круглосуточного контроля вооруженными людьми, так как опасался, что меня вновь подвергнут пыткам или просто убьют. Мое заявление нашло отражение в протоколе допроса от 19 августа 2005г, где указано (т.4, л.д. 138-141):

«Сегодня, 19 августа 2005г., я заявляю следствию о моем отказе от государственной защиты. Этот отказ обусловлен целью сохранить свою жизнь для моей еще живой престарелой матери».

Приблизительно в сентябре 2005 г. – через месяц после того, как мне были нанесены указанные травмы, в палату Центральной клинической больницы г. Москвы, куда меня перевели, ко мне опять пришёл Козловский В.А. Он предложил мне составить письменное заявление о том, что травмы я получил случайно, при падении из окна. Он сказал мне, что им от меня больше ничего не нужно, в обмен на подпись он гарантирует мою безопасность.

Я подписал документ, предложенный мне Козловским В.А.. У меня не было другого выхода, я понимал, что, так как «государственная защита» не была отменена по моему заявлению, то моя жизнь и здоровье подвергаются постоянной угрозе. Я не помню, просил ли Козловский В.А. написать документ собственноручно, либо принёс уже составленный документ и сказал мне его подписать.

Г Также из-за опасений за свою жизнь я не стал публично заявлять о принуждениях к даче показаний и пытках.

После произошедшего со мной, я мог думать только о том, как в целях собственной безопасности покинуть Россию.

(Вальдес-Гарсия Антонио)

Присутствуя в зале суда на всем протяжении процесса по моему делу в течение 9 месяцев, слушая выступления обвинителя и свидетелей, оценки и мнения адвокатов, я окончательно убедился, что справедливое решение суда в отношении меня невозможно.

Всем, за исключением прокурора, было ясно, что никакого хищения нефти и отмывания денежных средств ни я, ни кто другой из обвиняемых не совершал. Не было приведено ни одного доказательства обратного. Однако по завершении рассмотрения доказательств, в конце декабря 2006 года, прокурор попросил приговорить всех троих обвиняемых: Переверзина, Малаховского и меня, к 11-12 годам лишения свободы в колонии строгого режима. Не веря, что судья примет решение, сильно отличающееся от того, что попросил прокурор (в 99% случаев в России иное не происходит), - в итоге это и произошло: суд приговорил Переверзина к 11, а Малаховского - к 12 годам лишения свободы, - я решил уехать, понимая, что не могу больше рассчитывать на справедливый и беспристрастный приговор суда.

Мне удалось осуществить свое намерение 02 января 2007г.

Я обратился с таким заявлением о преступлении в отношении меня только сейчас, так как на протяжении всего этого времени я думал, что лица, совершившие в отношении меня преступления, оставят меня в покое. Все что, было со мной в России, я старался забыть, как кошмар.

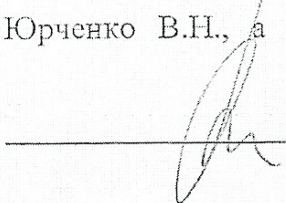
Однако в январе 2009г. мне стало известно, что в отношении меня в России был начат заочный судебный процесс, из чего я сделал вывод, что лица, оказывавшие на меня давление и подвергавшие пыткам, не желают забыть о моем существовании.

Я готов на территории Испании дать более подробные показания и ответить на любые вопросы представителей российских компетентных органов.

На основании изложенного,

ПРОШУ:

Возбудить уголовное дело в отношении следователей Стрыгина В.А., Алышева В.Н., Хатыпова Р.А. и оперативного сотрудника Козловского В.А., Юрченко В.Н., а также установить других лиц, причастных к фактам

 (Вальдес-Гарсия Антонио)

принуждения меня как обвиняемого к даче ложных показаний против себя и руководителей компании «ЮКОС» Ходорковского М.Б., Невзлина Л.Б., Лебедева П.Л., Брудно М.Б. и др. с использованием насилия, издевательств и пытки.

Место составления:

Искания, Молдавия

Дата:

106^я апреля 2009 года

Вальдес-Гарсия А.

Мне известно, что статьей 306 УК РФ установлена уголовная ответственность за заведомо ложный донос.

Вальдес-Гарсия А.

Можно быть уверенными, что такие факты, как создание пыточных условий для шантажируемого органами уголовного преследования В.Г.Алексабяна, превращение в калеку Вальдеса Гарсии, равно как и недавнее бесчеловечное избиение известного правозащитника Л.А. Пономарева вскоре после проведения организованных им общественных слушаний по делу Ходорковского – Лебедева и встречи со специальным докладчиком Парламентской Ассамблеи Совета Европы Сабиной Лойтхойзер-Шнарренбергер, надолго остаются в памяти и делают «приглашение» иностранных и иных свидетелей дать показания лично просто опасными для их жизни и здоровья.

Необходимо отметить, что на протяжении всего времени, что идет процесс, государственные обвинители, не имея законных оснований для возражений на ходатайства защиты, прибегают к испытанному методу подмены предмета обсуждения.

Ходорковский М.Б., Лебедев П.Л. и их защита ставят вопрос об устранении из процесса ненадлежащих потерпевших и гражданских истцов в связи с тем, что они не были собственниками якобы похищенного имущества, в следствии чего не могли потерпеть ущерб в результате сфальсифицированных обвинений.

Что тут началось! Лахтин обвинил защиту в *«ограничении прав потерпевших»*, а солидарный Шохин указал даже, какие статьи Конституции РФ были защитой якобы нарушены (заседание от 31.03.2009г.).

Речь же шла, напомним, о том, что **потерпевшие и гражданские истцы были назначены следствием вопреки закону, а потому таковыми не являются.**

Защита в своих ходатайствах указывает на те или иные существенные нарушения закона, в т.ч. при составлении обвинительного заключения. Не имея, что возразить по существу, тот же прокурор Лахтин В.А., как он любит говорить, правда, как правило, не к месту, *«декларирует»* в ответ, что эти аргументы Ходорковского М.Б., Лебедева П.Л. и их защиты не должны приниматься в расчет, т.к. они *«противоречат обвинительному заключению»*. Однако от подобных абсурдных заявлений этот порочный документ не может стать мерилom или, тем более, критерием истины. Таковым является исключительно закон. Но поскольку для гособвинителей *«закон, что дышло»*, вот и приходится им искать опровержение критики позиции обвинения в ней самой. **При таком подходе, конечно же, ни какие аргументы стороны защиты не заслуживают высокого внимания гособвинителей, т.к. все они не соответствуют обвинительному заключению по причине его очевидной незаконности.**

Вот и получается, что, если в обвинительном заключении написано, что *«весь административный персонал»* неких компаний *«в полном составе принимал участие в совершении преступлений»*, то так тому и быть. Ходатайствовать об установлении этих якобы соучастников якобы совершенных преступлений – явная ересь, а нормы гл. 7 УК РФ *«Соучастие в преступлении»* на настоящем этапе уголовного судопроизводства, по мнению прокуроров, видимо, учитывать *«преждевременно»*.

Не менее лихо начали гособвинители и предъявление обвинения. Как говорится, во первых строках (т. 1 с. 2, т. 8 с. 1729 ОЗ), они сообщили суду, всем участникам уголовного судопроизводства и общественности, в т.ч. мировой, что Ходорковский М.Б. и Лебедев П.Л. в составе организованной группы в 1994-96г.г. совершили ряд преступлений, *«связанных с мошенническим завладением акциями ОАО «Апатит», продукцией данного предприятия, за что были осуждены к длительным срокам отбывания наказания»*.

Данный тезис не соответствует действительности и противоречит как закону, так и приговору Мещанского суда от 16 мая 2005г., вступившему в законную силу 22 сентября 2005г.

Вина Лебедева П.Л. в мошенническом завладении акциями ОАО «Апатит» приговором суда не установлена. Уголовное дело в этой части было прекращено в связи с истечением срока давности.

К материалам дела приобщено определение Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 22 сентября 2005г. (т. 170 л.д. 186-189), в

котором прямо указано: «*Доводы о том, что определением суда **признана вина Ходорковского и Лебедева в совершении инкриминированного деяния (хищение 20% акций ОАО «Апатит»)** противоречит резолютивной части определения, в котором изложена принятое судом решение. Из нее видно, что суд решил прекратить в отношении указанных лиц по названному обвинению уголовное преследование за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности*» (л.д. 188).

В Определении Конституционного Суда РФ от 02.11.2006г. № 488-О подчеркивается, что **решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 (ч.1) Конституции РФ, не может расцениваться как признание его виновности в совершении преступления.**

Обвинение в мошенническом завладении «продукцией» данного предприятия Лебедеву П.Л. не предъявлялось и за это, естественно, он осужден не был.

Так что верность принципу «*не отступать ни на йоту*» опять и опять ставится выше законности.

Необходимо напомнить так же о том, что стараниями надзирающего прокурора Лахтина В.А. в перовом деле не дошли до суда доказательства алиби Лебедева П.Л. – загранпаспорта, которые теперь, после неоднократного рассмотрения жалоб в Читинских судах, находятся в материалах дела.

В ходе того процесса гособвинитель Шохин Д.Э. как всегда категорически возражал против приобщения докладов Президенту России Председателя правительства и Генерального прокурора РФ, из которых следовало отсутствие события преступления по эпизоду «Апатит». Сегодня они тоже в материалах дела (т. 170 л.д. 179-180, 181-185). Таким образом, совместными усилиями нынешние гособвинители решили поставленную задачу – создали обвинение, которое стало знаковым и которое теперь они же пытаются использовать еще раз уже в новом деле.

Таким образом, «напоминание», с которого начали предъявление обвинения прокуроры Шохин Д.Э. и Лахтин В.А., противоречит закону и фактическим обстоятельствам, является ничем иным, как противоправной ревизией буквы и содержания приговора суда, вступившего в законную силу.

Ничем другим, кроме как **прямой заинтересованностью гособвинителей в исходе дела**, указанные факты объяснить нельзя. При этом спор о том, проистекают они из их некомпетентности или фарисейства, или из смеси первого и второго, для существа отвода значения не имеет.

Данные, приведенные в настоящем заявлении об отводе, подтверждаются протоколом судебных заседаний, процессуальными документами, иными материалами, и таким образом, должны быть признаны судом достоверными и обоснованными.

Предписания гл. 9 УПК РФ в правовом единстве с положениями Конституции РФ, закона «О прокуратуре Российской Федерации» нормами УПК РФ, в равной степени признают достаточными основаниями для отвода государственных обвинителей любые заведомо несоответствующие закону их действия, прежде всего связанные с нарушением прав и свобод человека и гражданина. Стороне обвинения следует прислушаться к авторитетной точке зрения, изложенной в научной литературе по вопросу об основаниях отвода: *“При этом не требуется обязательного установления каких-либо доказательств, свидетельствующих о реальном проявлении тем или иным участником процесса заинтересованности в исходе дела – достаточно уже того, что есть основания полагать возможным проявление его необъективности (даже если самим субъектом это не осознается)”*. Такой весьма требовательный подход отстаивается в “Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РФ”, выпущенном под редакцией первого заместителя Генерального прокурора РФ, Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ, доктора юридических наук, профессора А.И.Бастрыкина (Москва, 2008г, с.161).

Гособвинитель, действующий систематически и злобно вопреки требованиям Конституции РФ и федеральных Законов, не имеет права выполнять эту весьма ответственную роль в уголовном судопроизводстве. Это тем более недопустимо, если подобные действия не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают, как в нашем случае, последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права личности, а также нанося урон авторитету Российского государства.

Учитывая изложенное выше, подтверждая свою позицию, содержащуюся в заявлениях об отводе государственных обвинителей от 3 и 11 марта 2009г., руководствуясь ст.ст. 2, 17, 18, 45, 46, 55 Конституции РФ, имеющей прямое действие, ст.ст. 3, 4, 35 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации», гл. 9 УПК РФ, защита Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. заявляет отвод государственным обвинителям Лахтину В.А. и Шохину Д.Э.

Адвокаты